

1869. 29 Янв.

Кончивши статью для второй книжки, я остригся, сходилъ въ баню и къ Вамъ первому принимаюсь писать, многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ. Хлопотъ дѣйствительно много, но, нужно правду сказать, въ нихъ много пріятнаго. Дѣло идетъ на ладъ, хотя не мало было помѣхъ и дурныхъ вліяній. Первая книжка отзывается еще неурядицей: она мала, дурно напечатана, на дурной бумагѣ и въ дурной оберткѣ; виновата въ этомъ неопытность редактора и нерасчетливая гоньба за дешевизной. Вторую книжку выпустимъ толще и лучше.

Я, какъ Вы увидите, расходился и пишу такъ много, что самъ себѣ удивляюсь. Спасибо Вамъ, Ѳедоръ Михайловичъ, за то, что Вы меня ободрили; это не мало мнѣ помогло. А тутъ еще другое — полная свобода; во второй статьѣ я смѣло пустился хвалить Ап. Григорьева¹, поставилъ его выше Бѣлинскаго — чего конечно ни въ одномъ журналѣ нельзя было сдѣлать, кромѣ *Зари*. Кстати: вспоминая мое вступленіе на литературное поприще, я всегда чувствую глубокую благодарность къ Вамъ: какъ хорошо было писать при такомъ нѣжномъ вниманіи, тонкомъ и сочувственномъ пониманіи! Вы меня избаловали, и съ тѣхъ поръ я все досажую на отсутствіе сочувственной атмосферы, хотя казалось бы пора человѣку и на своихъ ногахъ стоять и обходиться наконецъ безъ ласки и поощренія. Открою Вамъ, что нынче я опять встрѣтилъ это поощреніе: первая статья о Толстомъ привела въ восторгъ нѣкоторыхъ новых<ъ> моихъ знакомыхъ: Градовскаго, Данилевскаго (старые - увь! — кромѣ Васъ, очень умѣренны въ оцѣнкѣ меня). Похвалы этихъ умныхъ людей очень *ободряютъ* меня: вотъ отчего я дорожу ими, хотя никому не говорю объ нихъ, и Вамъ пишу не для хвастовства.

// л. 13

31 Янв.

Началъ писать Вамъ съ радостнымъ духомъ и съ самохвальствомъ, а сегодня готовъ только ругаться и плакаться. *Типографія медленно работаетъ и задерживаетъ выходъ книжки*. И все оттого, что выбрали *подешевле* и не умѣютъ держать въ рукахъ. Кашпиревъ — чудесный человѣкъ, но такой хомякъ, такъ привыкъ къ дворянской лѣни и бездѣятельности, въ добавокъ такъ *холоденъ и спокоенъ*, что выводитъ меня изъ себя. А въ сущности человѣкъ не лѣнивый и не скупой. Не стану Вамъ всего рассказывать, но Вы легко поймете, что было и есть² не мало и другихъ дурныхъ элементовъ, съ которыми нужно было и есть бороться. Въ этихъ волненіяхъ и заботахъ теперь вся моя жизнь. Надѣюсь, что къ концу года я успѣю совершенно устроить журналъ. Теперь уже *больше двухъ тысячъ* подписчиковъ; я вполне надѣюсь, что къ концу года доберемъ третью тысячу. Я очень горжусь тѣмъ, что соорудили такое зданіе, и вмѣстѣ ужасно боюсь за него и болѣю отъ его недостатковъ.

¹ Внизу листа после авторского знака «(1)» сделана запись: Видите, какъ мы сходимся въ мысляхъ!

² и есть вписано.

Напишите Вы намъ³ что-нибудь — покорно просимъ и Кашпиревъ, и Данилевскій (онъ тотъ самый фурьеристъ, котораго Вы помните; изъ⁴ его статьи вы знаете только двѣ вступительныя главы, а всего ихъ около *двадцати*), и Градовскій, и я. Нужно ли Вамъ говорить, что въ *Зарѣ* Вамъ также развязаны руки, какъ во *Времени*? Это вѣдь не Русскій Вѣстникъ. Нужно ли Вамъ напоминать, что Вы сами знаете, что можетъ быть интересно и полезно для журнала?

Московскіе славянофилы благосклонны къ *Зарѣ*. Аксаковъ сдѣлалъ экстраординарные визиты — мнѣ и Градовскому, привезъ обѣщаніе отъ Кохановской — дать новое ея произведение, прислалъ нѣкотораго Рачинскаго со статьею и пр. Разумѣется тутъ надо многого беречься; но я не даромъ десять

// л. 13 об.

лѣтъ работаю въ журналахъ; кажется я научился терпѣнію, выжиданію и всякаго рода журнальной тактикѣ.

Полемики мы пока недумаемъ вести. За насъ ее будутъ вести нигилисты. Антоновичъ (уже появилась статья въ «Космосѣ») и Жуковскій (говорятъ печатаетъ книгу) намѣрены растерзать Некрасова — въ добрый часъ!

Островскій — падаетъ; послѣ плохихъ драмъ въ стихахъ сталъ писать комедіи — тоже плохія и падающія на сценѣ. За то нашъ другъ Аверкіевъ — подымается. Его комедія о *Фролѣ Скобѣевѣ* имѣла огромный успѣхъ и въ самомъ дѣлѣ очень не дурна.

Вы должны были получить «Бѣдность» и 1-ую книжку *Зари*. Напишите о нихъ все, что думаете. А я обѣщаюсь Вамъ написать объ «Идіотѣ», котораго читаю съ жадностію и величайшимъ вниманіемъ.

Адресъ мой: Васильевскій Островъ Загребинъ Переулокъ, д. ЦЭ (или Цзя)<.>

Слѣдующую статью думаю писать о Тургеневѣ (его новая повѣсть должна явиться въ Р. В.). Я нашолъ нѣкоторыя новыя точки зрѣнія на «Дымъ» и вообще на послѣднюю полосу его писанія. Въ противоположность Вамъ онъ хнычетъ и унываетъ, но нужно изъ него вытянуть все хорошее, что онъ даетъ. «Дымъ» имѣлъ большой успѣхъ — въ одинъ годъ два изданія — не мудрено, тутъ *высшій* свѣтъ. Кстати *Обрывъ* онГчарова есть истинное безобразіе. Эти лица изъ какого-то большого свѣта — чистая выдумка, на ногахъ не стоятъ, а публику очень интересуютъ. Въ первый разъ я⁵ видѣлъ Писемскаго (когда онъ читалъ свой романъ). Что за говядина! Какой здоровенный и въ то же время низменный талантъ! Всего интереснѣе онъ — когда говоритъ объ искусствѣ, объ изящномъ, о любви. Онъ пренаивно увѣренъ, что онъ все это понимаетъ, или какъ онъ говорить, *понимать*.

// л. 14

1 Февр.

³ Далее была запятая.

⁴ изъ вписано.

⁵ Далее было: нынче

Вчера я былъ у Бабунова и убѣдился, что первая книжка произвела дурное впечатлѣніе; это ужасно скверно; прійдется долго поправляться. Но все таки совершенно вѣрно, что у насъ *два тысячи* подписчиковъ.

Прощайте, Федоръ Михайловичъ. Вы ничего не пишете о себѣ лично. Что Ваше здоровье? Я пораженъ какою-то хроническою болѣзнью, отъ которой однако же понемногу оправляюсь. А съ годъ назадъ было ужасно скверно.

Аннѣ Григорьевнѣ мое усердное почтеніе.

Вашъ душевно преданный

Н. Страховъ

1869 г.

С. п. б.

// л. 14 об.